

Поэтические прошения Уильяма Данбара

К. Р. Ибрагимова

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
agitato72@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается средневековый поэтический жанр прошения и его реализация в творчестве шотландского поэта Уильяма Данбара. Предлагается краткий очерк творческой биографии Данбара, типология его поэтических прошений (просьба, жалоба, «объяснительная записка»), анализ его стихотворений в этом жанре, сопоставление их с прошениями других поэтов Средневековья. Автор статьи приходит к выводу, что во всех типах жанра прошения у Данбара художественная задача соединяется с задачей прагматической.

Ключевые слова: Уильям Данбар, Джеффри Чосер, поэтическое прошение, шотландские чосерианцы, Средневековье

Для цитирования: Ибрагимова К. Р. Поэтические прошения Уильяма Данбара // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 13 (881). С. 131–137.

Original article

William Dunbar's Poetic Petitions

Karina R. Ibragimova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
agitato72@mail.ru

Abstract. The article deals with the medieval poetic genre of petition and its implementation in the work of the Scottish poet William Dunbar. The main topics are a brief sketch of Dunbar's creative biography, a typology of Dunbar's poetic petitions (a request, a complaint, a "letter of explanation"), analysis of his poems in this genre, and their comparison with the petitions of other medieval poets. The author of the article comes to the conclusion that in all types of the genre of Dunbar's petition, the artistic task is combined with the practical task.

Keywords: William Dunbar, Geoffrey Chaucer, poetic petitions, Scottish Chaucerians, the Middle Ages

For citation: Ibragimova, K. R. (2023). William Dunbar's poetic petitions. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(881), 131–137.

ВВЕДЕНИЕ

Уильям Данбар (William Dunbar, ок. 1460 – ок. 1520) был одной из знаковых фигур шотландского позднего Средневековья. Он принадлежал к плеяде шотландских чосерианцев – поэтов, избравших в качестве ориентира Джеффри Чосера и в своем творчестве на языке скотс (шотландском варианте английского языка) стремившихся обновить национальную поэтику, обращаясь к его художественным открытиям [Фох, 1966]. В России творчество Данбара остается малоизученным: его имя появляется в обзорных статьях о шотландской средневековой литературе М. П. Алексеева (1984), а также в статьях Э. Р. Тулуп (2012), рассматривающей творчество Данбара в свете героических мотивов в средневековой шотландской поэзии. Поэзия Данбара не переведена на русский язык, и в настоящий момент существуют лишь любительские переводы отдельных стихотворений, что не дает возможности русскоязычному читателю составить цельного представления о его творчестве.

Достоверных источников, освещающих жизнь Данбара, крайне мало: основные факты его биографии известны нам по его финансовым документам, а также восстанавливаются биографами по воспоминаниям современников и стихотворениям самого поэта. Большая часть этих материалов принадлежит времени, когда судьба поэта была тесно связана с двором шотландского короля Иакова IV (James IV, 1473–1513), куда Данбар приехал в 1500 году. Точно не установлено, какую должность Данбар занимал при дворе: он мог быть как писцом, секретарем или посланником, так и капелланом или даже личным духовником короля [Baxter, 1952]. Несомненно одно: поэтическое творчество было включено в придворные обязанности Данбара.

Главным модусом придворной поэзии была хвала: восхвалялись либо высокопоставленные лица, либо (что встречается реже) значимые для шотландцев места; описывались важные события, происходившие некогда в шотландской истории и празднества, принятые при дворе. Поэзия становилась неким официальным рупором власти, фиксирующим все происходящее и дающим ему оценку (всегда, впрочем, положительную). Придворный поэт неизбежно оказывался в ситуации, когда тематическая вариативность была практически невозможна: необходимо было следовать как законам жанра, так и желаниям власть имущих [Holzknecht, 1967].

Придворная поэзия Данбара также строилась на восхвалении, однако включала в себя не только хвалебную лирику, представленную панегириками, но и жанр поэтического прошения с обращениями

к важным лицам, которые имели возможность изменить жизнь поэта к лучшему.

Цель статьи – рассмотреть жанр поэтического прошения в творчестве Данбара, выделить основные поджанры, а также проанализировать ключевые образы, сопрягающиеся с фигурой лирического «я» данбаровских поэтических прошений.

ПОЭТИЧЕСКОЕ ПРОШЕНИЕ КАК ЖАНР

Сохранилось более двадцати поэтических прошений, написанных Данбаром, и все они очень похожи по форме и стилю: большая их часть написана четырехстопным ямбом, задействована простая лексика, а в конце каждой строфы появляется рефрен. В отличие от панегирика, где поэту в первую очередь отведена роль выразителя общественной или королевской позиции, прошение конкретизирует говорящего субъекта, замыкает его голос в определенном теле.

Система отношений, сложившаяся между королем как сеньором и поэтом как вассалом, представляла ее участникам возможность поддерживать общение: король заказывал поэту написать ту или иную вещь, а за это вознаграждал его; в свою очередь, поэт, желающий получить новый заказ, недовольный своим местом при дворе или вознаграждением, также мог обратиться к королю. Эту задачу поэт мог решить несколькими способами, изящнейшим из которых было сочинение поэтического прошения, которое являлось одновременно подтверждением исполнения обязанностей придворного поэта и выражением его просьбы.

Данбар не был первооткрывателем жанра поэтического прошения: задолго до него поэты, поступавшие на придворную службу, писали подобные вещи. Так, к примеру, Архипиита Кельнский (Archipoeta, ок. 1130 – ок. 1165) жаловался своему господину Райнальду фон Дасселю на то, что его вино разбавляют; Примас Орлеанский (Hugo Primas Aurelianensis, ок. 1093 – ок. 1160), получив в дар от своего господина меха, сокрушался в послании ему, что эти меха уже поношены; Матье Вандомский (Matthaeus Vindocinensis, ок. 1100 – ок. 1185) составлял почти «поэтические резюме», в которых давал характеристику своей учености, прося оценить его по достоинству [Curtius, 1963]. Поэтические прошения писали и английские предшественники Данбара: подобные стихотворения встречаются в творчестве Джеффри Чосера, Джона Лидгейта, Томаса Окклива и др. Однако, как отмечает Присцилла Бокатт, несмотря на устойчивую традицию обращаться к своему господину с просьбами, выраженными в стихах, жанр этот не подчинялся строгим правилам [Bawcutt,

1992]. Общими для этих стихотворений были лишь интенция и тоpos смирения, однако эти отличительные особенности были продиктованы самой целью высказывания. Поэты, писавшие подобные прошения, редко ссылались на предшественников, поэтому была возможна широкая вариативность.

Жанр прошения имел не только художественное, но и практическое значение: несмотря на то, что доподлинно неизвестно, функционировали ли поэтические прошения как официальные документы, эти тексты могли влиять на положение придворных поэтов. Так, в 1507 и 1510 годах жалование Данбара было увеличено: вероятно, причиной тому стали его прошения [Ross, 1981]. Некоторые стихотворения Данбара в этом жанре, напротив, не содержали конкретных просьб, оказываясь скорее попыткой коммуникации с высокопоставленным лицом, нежели способом добиться материальных благ.

По мнению исследовательницы Рэйчел Тейлор, «Данбару не повезло, что сохранилось так много его поэтических прошений, ведь у читателей возникает ощущение, что как поэту и, более того, как шотландцу, Данбару не следовало просить так настойчиво»¹ [Taylor, 1931, с. 64]. В этой оценке ей вторит Клайв Стейплз Льюис, отмечая, что эти стихотворения являются «на первый взгляд непривлекательными» [Lewis, 1973, с. 93]. Однако нас интересует не столько моральная оценка поэтических прошений Данбара, сколько то, как в них функционирует поэтический субъект, а также вопрос о том, насколько новаторским можно считать подход шотландского поэта к исполнению этой задачи.

ТРИ ТИПА ПРОШЕНИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ У. ДАНБАРА

Изучив корпус художественных текстов, можно выделить три основных поджанра данбаровских поэтических прошений: во-первых, облеченные в стихотворную форму просьбы, во-вторых, поэтические жалобы и, наконец, в-третьих, своеобразные поэтические «объяснительные».

Так, стихотворение «К королю» («To the King», с рефреном «My panefull purs so priclis me», ок. 1507) отнесено нами к первому из поджанров, так как является просьбой о повышении жалования. Жанр прошения здесь сближается с жанром жалобы: поэт повествует о терзаниях, связанных с его полунищей жизнью. Причиной тому оказывается опустевший кошелек, который причиняет герою не только душевную, но и почти что физическую боль:

строка «Мой полный боли кошелек так терзает меня» становится рефреном с некоторыми вариациями повторяющимся во всех строфах стихотворения. Поэт сетует на то, что прежде он мог писать прекрасные стихи, но отныне слабость мешает ему взять перо в руки, он больше не способен петь и танцевать, а на пиру ему приходится поститься:

Quhen I wald blythlie ballattis breif,
Langour thairto givis me no leif (6–7)

<...>

Quhen men that hes pursis in tone
Pasis to drynk or to disjone,
Than mon I keip ane gravetie
And say that I will fast quhill none (16–19).

W. Dunbar. My panefull purs so priclis me

Нигде ему не могут помочь, и поэтому он умоляет господина избавить его от этой беды:

And all men sayis, my lord, that ye
Can best remeid for this malice (33–34).

W. Dunbar. My panefull purs so priclis me

«Сколько в этих стихотворениях “настоящего”, сколько литературной традиции и сколько обыкновенного морализирования?» [Reiss, 1979, с. 36] – задается вопросом Эдмунд Райсс. Думается, что все перечисленное в прошениях Данбара присутствует в разной пропорции. То, что поэтическое прошение имеет не только художественную, но и прагматическую цель, заставляет его лирический субъект сблизиться с реальной личностью автора. Данбар использует местоимение я (I) и в конце обращается напрямую к королю, что, вероятно, могло возыметь успех, и в таком случае деньги по просьбе Данбара-героя стихотворения мог получить Данбар – автор стихотворения. Отношения, связывающие Данбара и короля Иакова IV, переносятся в пространство поэтического текста, тем самым связывая реальность и вымысел.

При этом провести грань между вымыслом и реальностью в этом стихотворении нетрудно: очевидно, что Данбар избирает подчеркнuto иронический и легкий тон, чтобы обосновать свою просьбу. Поэт, несомненно, как пишет о нем исследовательница Криста Канитц, не «жил в жалкой нищете, забытый покровителями и находящийся на грани голодного истощения, не питая надежду на то, чтобы когда-либо достичь хоть какой-то экономической стабильности» [Christa Canitz, 2004, с. 42], более того, в действительности Данбар получал от короля суммы, вдвое превышающие оклад Гектора Бойса, бывшего в то же время главой Абердинского университета [Baxter, 1952]. Однако в своем стихотворении он рисует образ измученного нищетою человека, в чем прослеживается влияние традиции.

¹ Зд. и далее перевод наш. – К. И.

Несмотря на то что прямое подражание предшественникам в жанре поэтического прошения не было частым явлением, наше стихотворение Данбара является таковым. Оно восходит к стихотворению Джеффри Чосера (Geoffrey Chaucer, ок.1340–1400) «Сетование Чосера на его кошелек» (*The Complaint of Chaucer to His Purse*, ок. 1399), где также возникает образ пустого кошелька: его пустота так угнетает героя (отчасти совпадающим с самим Чосером, как и Данбар совпадает со своим героем в прошениях последнего), что тот умоляет кошелек наполниться вновь, иначе его хозяину грозит смерть.

Чосер наделяет кошелек человеческими свойствами. Именно конкретный предмет становится адресатом стихотворения: кошелек сравнивается с прекрасной дамой, к которой и обращена жалоба героя. Чосер вводит характерную для куртуазной поэзии образность, воспринимающуюся здесь в ироническом ключе: он нарекает кошелек своей королевой, утверждает, что тот правит его сердцем:

Ye be my lyf, ye be myn hertes stere,
Queene of comfort and of good companye (12–13).

G. Chaucer. *The Complaint of Chaucer to His Purse*

Для содержимого кошелька характерны приятнейшие звуки и ярчайшие цвета:

That I of yow the blisful soun may here,
Or see your colour lyke the sonne bright» (9–10).

G. Chaucer. *The Complaint of Chaucer to His Purse*

Однако изначальное воззвание к милости кошелька в конце сменяется на послание (*envoi*) к королю, которое отделено от основного текста и направлено на разрешение не только поэтической задачи: короля умоляют быть внимательным к этому прошению:

Have minde upon my supplicacioun (26).

G. Chaucer. *The Complaint of Chaucer to His Purse*

Любопытно, что Данбар был не единственным, кто обратился к этому стихотворению Чосера. Так, у Джона Лидгейта (John Lydgate, ок.1370–1451) есть схожее поэтическое прошение, называемое «Письмо к Глостеру» (*Letter to Gloucester*, ок. 1431). Оно также делится на две части: первая, как и у Чосера, посвящена описанию злоключений, постигающих человека с пустым кошельком, вторая же является посланием к господину, который может этот кошелек наполнить. Однако Лидгейт, в отличие от Чосера, не вводит других адресатов, кроме того, кто должен снабдить его деньгами. Пустой кошелек у Лидгейта больше не прекрасная дама – он сравнивается с пустым желудком, и помощь, таким образом, нужна не только лирическому герою, по

такому трагическому случаю одетому в черное: «выпотрошенность» кошелька оказывается аналогом его болезни, излечить которую способен лишь господин [Cooper, 2008].

Неизвестно, был ли Данбар знаком со стихотворением Лидгейта, но многое в его прошении пересекается как с чосеровским, так и с лидгейтовским текстом. Как и у последнего, кошелек Данбара «очеловечивается», но не превращается в воспеваемую даму: он становится аналогом части тела человека – точно так же, как может болеть пустой желудок, болит пустой кошелек героя. Несчастья лирического героя представлены преувеличенно тяжкими, как и в стихотворениях предшественников.

Стихотворение Данбара отличается от его предполагаемых образцов та форма, которую он избирает. Он видоизменяет двухчастную структуру прошения: в его стихотворении, как и у Чосера, два адресата, – Спаситель, способный излечить «недуг» его кошелька, и король, обращение к которому находится в конце, венчая собой прошение. Однако, в отличие от стихотворений Чосера и Лидгейта, Данбар не оформляет это обращение как послание, что позволяет нам провести аналогию между двумя адресатами: возможно, Спаситель в этом случае – это не только образ Христа, но и некий второй лик короля. Таким образом, Данбар как опирается на опыт предшественников, так и оригинально перерабатывает его.

Среди поэтических прошений Данбара возникают не только столь мало завуалированные просьбы, каким является вышеупомянутое стихотворение: можно выделить также поджанр прошения-жалобы. Его отличие заключается в большей абстрактности: лирический герой не уточняет, что он хотел бы получить от адресата, зато рисует картину нравов общества.

Темой, которая объединяет прошения-жалобы Данбара, становится мировая несправедливость, заключающаяся в том, что люди не всегда соответствуют занимаемым ими местам. Понятие справедливости у Данбара совпадает с традиционными средневековыми представлениями об иерархии: люди достойные благодаря своим благим делам и помыслам должны занимать более высокое положение, чем подлецы, бездельники и обманщики. Однако королевский двор, с которым Данбар был тесно связан, устроен иначе, и это тревожило поэта.

В стихотворении «К королю» (*To the King*, начинающегося со строки *Of benefice, sir, at everie feist*, ок. 1510), Данбар описывает пир, на котором придворные не только наслаждаются кушаньями, но и подают свои прошения королю. Большую

часть этих прошений тот удовлетворяет, но не замечает того, что расточает свои милости на низких и недостойных людей: они тут же принимают делить богатства, полученные от короля.

Позиция Данбара по отношению к происходящему становится ясна сразу же благодаря тому, что он использует слово *pelffe* (*pelfe*, *pelf*) для обозначения денег, получаемых придворными. Оно обыкновенно употребляется в значении «награбленное» [Dunbar, 1979]: таким образом, придворные превращаются в шайку воров, делящих добычу, что в сочетании с их высоким положением кажется Данбару немыслимым. Более того, слепота короля по отношению к своим приближенным выражается не только в их несправедливом возвышении, но и в принижении заслуг того, кто стремится раскрыть ему глаза на истину, – в стихотворении роль незаслуженно забытого играет лирический герой Данбара:

Sum swelleis swan, sum swelleis duke,
And I stand fastand in a nuke
Quhill the effect of all thai fang thame.
Bot Lord! how petewouslie I luke
Quhone all the pelfe thai pairt amang thame (6–10)

W. Dunbar. Of benefice, sir, at everie feist

Одни пожирают лебедей, другие – уток,
А мне приходится поститься в углу,
Поскольку все блага они забрали себе.
Но Боже мой! Как же жалко я выгляжу
В то время как они делят между собой
награбленное!¹

Пир здесь может восприниматься двояко: это как описание дворцового праздника (и в таком случае стихотворение можно расценивать и как исторический документ эпохи, повествующий о том, как происходили такие пиры), так и метафорическая характеристика различного положения королевских вассалов: дорогие блюда, которыми лакомятся недостойные слуги короля, становятся аналогом королевских милостей, которые на них незаслуженно изливаются.

Схожая идея возникает в другом стихотворении Данбара с рефреном *Schir, ye have mony servitouris* (*Сир, у Вас много слуг*). Его композиция несколько сложнее: Данбар начинает с восхваления тех придворных, которые честно исполняют свои обязанности и приносят пользу государству: одному только перечислению профессий достойных слуг короля поэт посвящает 14 строк. Но это не единственный каталог, возникающий в стихотворении: в противоположность ему появляется перечисление тех, кто несет Шотландии и королю лишь вред, прикрываясь благими намерениями.

Здесь интересно то, что в стихотворении проявляется свое «я» Данбара. Его рассуждения о своем месте при дворе появляются между частями, описывающими других придворных: лирический герой Данбара сравнивает себя сначала с одними, затем с другими и лишь благодаря этому соотносению обретает возможность оценить себя по заслугам. После того как он характеризует лучших вассалов короля, его одолевают сомнения о том, насколько ценно то, чем он занимается по сравнению со священниками, докторами, музыкантами, кузнецами и др.

And thocht that I amang the laif
Unworthy be ane place to have (25–26).

W. Dunbar. Schir, ye have mony servitouris

Однако затем он вспоминает о недостойных придворных, которых, тем не менее, король щедро вознаграждает, и это вызывает у него гнев, ведь сам он не получает ничего за свои труды – пусть малые по сравнению с лучшими, но значительные по сравнению с худшими:

Ar all rewardit, and nocht I,
Than on this fals world I cry “Fy!” (67–68).

W. Dunbar. Schir, ye have mony servitouris

Возмущение мирской несправедливостью, которое Данбар выражает в своих прошениях-жалобах, может восприниматься двояко. С одной стороны, это выражение личного отношения Данбара к подобным вещам, которые могли быть связаны с его опытом службы при дворе. Это по-прежнему прошения, включающие в себя традиционное для Данбара обращение *Schir* (*shir*, *sir*) и, несмотря на отсутствие конкретной просьбы, имеющие практическую цель: поэт устами своего героя указывает на неудовлетворенность сложившейся ситуацией. Кроме того, Данбар передает лирическому «я» свои собственные качества, касающиеся профессиональной сферы: его герой – поэт, не случайно он связывает свою ценность со своими трудами, которые могут его пережить (*Als lang in mynd my work sall hald* (28) (*W. Dunbar. Schir, ye have mony servitouris*), а в конце утверждает, что его перо может лишь оскорблять, так он расстроен, что его не признают:

My mind so fer is set to flyt
That of nocht ellis I can endyt» (79–80).

W. Dunbar. Schir, ye have mony servitouris

Характерно, что Данбар отделяет себя от остальных: перечисляет лучших и худших вассалов своего господина, не упоминая себя ни среди тех, ни среди других. Однако при этой внешней отстраненности, составляющей суть страданий лирического я Данбара (одинокое стояние в углу,

¹ Здесь и далее подстрочный перевод наш. – К. И.

неуверенность в своем положении), он всё же принадлежит к обществу, за справедливость в котором борется.

С другой стороны, более абстрактный характер прошений-жалоб по сравнению с прошеними-просьбами делает данбаровские стихотворения в этом жанре не только высказываниями о горькой доле конкретного поэта, но и характеристиками устройства мироздания. Данбар тяготеет в них к классификации и систематизации, описывая социальные группы и объединяя их по определенным признакам (достойные / недостойные, богатые / бедные). Стремясь указать королю на несоответствие между его милостями и трудами его слуг, Данбар обращается к традиции *specula principum*, «зеркала правителей» – произведения, служащего наставлением правителю в вопросах политики и морали. Лирическое я его стихотворений – это некий универсальный голос разума и справедливости, который возникает для того, чтобы указать королю на его возможные ошибки, а также чтобы защитить его от недоброжелателей. В этом случае данбаровский герой оказывается как личным голосом своего автора, так и отражением образа абстрактного поэта, который, по мнению Тома Скотта, привлекает внимание к несправедливому положению таких же, как он, в обществе [Scott, 1966].

Среди поэтических прошений Данбара можно выделить третий поджанр. Это своеобразная поэтическая объяснительная, покаянное письмо, в котором основополагающим становится топос смирения: Данбар поясняет, почему не смог выполнить тот или иной заказ короля, жалуется на старость и бедность, а также молит о снисхождении. Ярким примером становится стихотворение «Головная боль» (*The Headache*, ок. 1510). Поэт описывает свое болезненное состояние, не позволяющее ему творить, оправдывается и обращается к королю, стремясь вызвать его сочувствие:

My heid did yak yester nicht,
This day to mak that I na micht (1–2)

<...>

And now, schir, laitlie eftir mes
To dyt thocht I begowthe to dres,
The sentence lay full evill till find,
Unsleipit in my heid behind,
Dullit in dulnes and distress (6–10).

W. Dunbar. *The Headache*

Вчерашней ночью у меня болела голова,
И я не могу сегодня ничего написать.

<...>

И тогда, сир, вскоре после мессы,
Я пытался, одеваясь, творить,

Но мне было трудно подобрать слова,
Которые дремали в моей голове,
Потускневшие от отупения и страдания.

Ситуация, представленная здесь, парадоксальна: в сущности, поэт пишет стихотворение о том, как не смог написать стихотворение. Это может быть как выражение искреннего желания оправдаться за невыполненный заказ, так и развернутая метафора. По мнению Изна Росса, головная боль может восприниматься как аналог королевской немилости, – огорчение, причиняемое ею, так велико, что лишает поэта возможности творить. Поэтому поэт и обращается к королю: тот способен выступить в роли лекаря и избавить того от мучений [Ross, 1981].

В плане функционирования лирического субъекта прошения-объяснительные сближаются с прошеними-просьбами в творчестве Данбара: это в первую очередь его личный голос, тем явственнее возникающий в стихотворении, чем важнее выполняемая с помощью него практическая задача. Ситуация, касающаяся Данбара как автора стихотворения, заставляет его обращаться к конкретным образам, сближая свой лирический голос со своей реальной фигурой.

В отличие от других подтипов жанра поэтического прошения, прошение-объяснительная не имеет устойчивой традиции. Несмотря на то что у многих поэтов до Данбара встречались стихотворения, связанные с жалобами на тяготы жизни, Данбар, опираясь на их опыт во всем, что касается образности, в жанровом отношении самостоятелен – его прошения-объяснительные отражают его уникальные жизненные ситуации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы видим, что тесная связь Данбара с придворной жизнью заставляет его значительным образом развить жанр поэтического прошения, который в его творчестве представлен тремя поджанрами: просьбой, жалобой и объяснительной. Во всех типах прошения художественная задача, выполняемая поэтом, соседствует с задачей практической: стихотворение начинает функционировать как подобие официального документа, способного повлиять не только на судьбу лирического «я» поэта, но и на его собственную жизнь. При этом степень конкретности лирического субъекта в разных поджанрах различается: сводя свой поэтический голос к определенному образу, Данбар иногда обретал возможность говорить от лица некоего сообщества или социальной группы. Создавая свои поэтические прошения, Данбар двигался в русле традиции, отзываясь на свой лирический голос.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Fox D. The Scottish Chaucerians // Chaucer and Chaucerians: Critical Studies in Middle English Literature / Ed. by D. S. Brewer. L.: Thomas Nelson and Sons, 1966. P. 164–200.
2. Baxter J.W. William Dunbar: A Biographical Study. Edinburgh: Oliver and Boyd, 1952.
3. Holzknecht K.J. Literary Patronage in the Middle Ages. L.: Taylor & Francis Group, 1967.
4. Curtius E. R. European Literature and the Latin Middle Ages / Translated from the German by Willard R. Trask. N.Y.: Bollingen Foundation Inc., Harper & Row, Publishers, Inc., 1963.
5. Bawcutt P. Dunbar the Makar. Oxford: Clarendon Press, 1992.
6. Ross I.S. William Dunbar. Leiden: E. J. Brill, 1981.
7. Taylor R. Dunbar, the Poet and His Period. L.: Faber & Faber, 1931.
8. Lewis C. S. English Literature in the Sixteenth Century, excluding Drama. Oxford: Oxford University Press, 1973.
9. Reiss E. William Dunbar. Boston: Twayne Publishers, 1979.
10. Christa Canitz A.E. A Benefice for the Prophet: William Dunbar's Petitionary Poems // Studies in Scottish Literature. 2004. №6. P. 42–61.
11. Cooper L. H. "His guttys wer out shake": Illness and Indigence in Lydgate's Letter to Gloucester and Fabula duorum mercatorum // Studies in the Age of Chaucer. 2008. №. 30. P. 303–334.
12. Scott T. Dunbar: A Critical Exposition of the Poems. Edinburgh: Oliver and Boyd, 1966.

REFERENCES

1. Fox, D. (1996). The Scottish Chaucerians. In Chaucer and Chaucerians: Critical Studies in Middle English Literature (pp. 164–200). Ed. by D. S. Brewer. L.: Thomas Nelson and Sons.
2. Baxter, J. W. (1952). William Dunbar: A Biographical Study. Edinburgh: Oliver and Boyd.
3. Holzknecht, K. J. (1967). Literary Patronage in the Middle Ages. London: Taylor & Francis Group.
4. Curtius, E. R. (1963). European Literature and the Latin Middle Ages. Translated from the German by Willard R. Trask. N.Y.: Bollingen Foundation Inc., Harper & Row, Publishers, Inc.
5. Bawcutt, P. (1992). Dunbar the Makar. Oxford: Clarendon Press.
6. Ross, I. S. (1981). William Dunbar. Leiden: E. J. Brill.
7. Taylor, R. (1931). Dunbar, the Poet and His Period. London: Faber & Faber.
8. Lewis, C. S. (1973). English Literature in the Sixteenth Century, excluding Drama. Oxford: Oxford University Press.
9. Reiss, E. (1979). William Dunbar. Boston: Twayne Publishers.
10. Christa Canitz, A. E. (2004). A Benefice for the Prophet: William Dunbar's Petitionary Poems. Studies in Scottish Literature, 6, 42–61.
11. Cooper, L. H. (2008). "His guttys wer out shake": Illness and Indigence in Lydgate's Letter to Gloucester and Fabula duorum mercatorum. Studies in the Age of Chaucer, 30, 303–334.
12. Scott, T. (1966). Dunbar: A Critical Exposition of the Poems. Edinburgh: Oliver and Boyd.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ибрагимова Карина Рашитовна

кандидат филологических наук

преподаватель кафедры истории зарубежной литературы

Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ibragimova Karina Rashitovna

PhD (Philology)

Lecturer at the Department of History of Foreign Literature

Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

24.08.2023
25.09.2023
02.11.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication